

А. Ю. Москвитина

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАНЗИБАРА

Центральной темой статьи является этносоциальный компонент политической истории располагающейся на островах архипелага Занзибар Народной Республики Занзибар, в настоящее время — полуавтономии в составе Объединенной Республики Танзания. Автор анализирует процесс складывания у населения Занзибара чувства исторической общности во временных рамках от доколониального периода до настоящего времени. Особое внимание уделяется характеристикам и иерархии наиболее крупных этносоциальных групп и проблеме корреляции этнической идентичности и позиции в вопросах, касающихся политического статуса Занзибара и векторов политической мобильности. Автор демонстрирует, как состав и идеология наиболее влиятельных политических партий занзибарцев в период антиколониальной борьбы складывались на этнической основе и как принцип этнического противопоставления с тех пор остается важным механизмом политического манипулирования. В статье рассматриваются этнополитические конфигурации как на самом Занзибаре, так и в контексте взаимодействий с материковой частью союза — Танганьикой. Библиогр. 5 назв.

Ключевые слова: Объединенная Республика Танзания, Занзибар, Революция 1964 г., этносоциальные группы, расовые ассоциации, Партия афро-ширази, Национальная партия Занзибара, афрабия.

A. Yu. Moskvitina

ETHNOSOCIAL ASPECTS IN THE POLITICAL HISTORY OF ZANZIBAR

The article focuses on ethnosocial aspects of the political history of Zanzibar, a semi-autonomous part of the United Republic of Tanzania. It describes the shaping of Zanzibari identity from the pre-colonial period until the present and its controversial interpretations by representatives of different ethnosocial groups. It provides a survey of main ethnosocial groups inhabiting the Zanzibar Archipelago and their hierarchy in the past and considers the correlation of ethnic identities with historical experiences, attitudes to the status of Zanzibar in the Union and political mobilities at present. During the period of anti-colonial struggle for independence, the activities of most influential Zanzibari parties (the Zanzibar Nationalistic Party (ZNP), the Afro-Shirazi Party (ASP) and the Umma Party), as well as their ideologies, were highly relevant to the ethnosocial background of their members and supporters, reflecting their interests and political ambitions. Since then, these ethnic-based stereotypes of the past have been actualized in the debates of the ruling and the opposition parties up to the present. Ethnopolitical configurations in Zanzibar itself are analyzed within the context of interactions between Zanzibar and the continental part of the Union. Refs 5.

Keywords: Tanganyika-Zanzibar Union, Tanzania, 1964 Revolution, ethnosocial groups, racial associations, Afro-Shirazi Party, Zanzibar Nationalist Party, Afrabia.

Межэтнические и межрасовые отношения в островной полуавтономии Занзибар (Народной Республике Занзибар) в составе Объединенной Республики Танзания являлись ключевым аспектом в политических процессах и в истории формиро-

---

Москвитина Анна Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3; anna.siim@gmail.com

Moskvitina Anna Yu. — PhD, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, 3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; anna.siim@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

вания политических партий в прошлом. Сегодня в Танзании, подчеркнуто светском государстве, при ее официальном курсе на этническую, расовую и религиозную толерантность категории конфессиональной и национальной принадлежности не включаются в удостоверения личности граждан, в том числе бланки для переписи населения. Однако на Занзибаре на почве непрекращающейся борьбы за его дальнейшую автономизацию вопросы этносоциальной и конфессиональной идентичности далеко не всегда укладываются в общетанзанийский формат. Иерархия этносоциальных групп населения архипелага Занзибар, сложившаяся в Занзибарском султанате в XIX в., сохранялась в колониальную эпоху и была официально регламентирована в законодательстве. Даже будучи целенаправленно демонтированной в результате Революции 1964 г., она постепенно регенерировала и в несколько видоизмененном состоянии остается актуальной вплоть до настоящего времени, особенно в сфере экономики и предпринимательства. Принадлежность к одной из этих групп подразумевает наличие особого ракурса восприятия истории и ее проекции на современную политическую реальность и будущее страны и вытекающие отсюда политические симпатии.

Предтечами политических партий на Занзибаре были этнические ассоциации, появившиеся в начале XX в., когда Занзибарский султанат уже являлся протекторатом Великобритании. В 1901 г. была основана Ассоциация арабов (имевшая внутреннее разделение на оманскую, йеменскую и коморскую ветви), в 1910 г. — Ассоциация индийцев, представлявшие интересы соответственно арабской элиты и индийских торговцев и банкиров. В 1934 г. возникла Ассоциация африканцев, ориентированная преимущественно на потомков рабов, привезенных с континента и осевших на Занзибаре рабочих-мигрантов из Танганьики, а в 1938 г. — Ассоциация ширази, коренного населения островов архипелага. Этническая общность ширази сложилась еще в первом тысячелетии н. э. в результате смешанных браков самых ранних арабских и персидских переселенцев с местным африканским населением. Ширази всегда были свободными, и в этом они противопоставляли себя континентальным африканцам. Любопытно, что после отмены рабства на Занзибаре имела место тенденция, когда освобожденные рабы идентифицировали себя как ширази. В работах современных занзибарских историков, занимающих проправительственную позицию, эти организации называются «расовыми ассоциациями», и в этом определении содержатся очевидные обличительные аллюзии в адрес применявших расистскую политику британцев и подыгрывавших им компрадорских арабо-индийских элит [1, р. 7–11].

Изначально воспринимая Занзибар как арабское государство, британская администрация способствовала включению арабов в управленческие структуры; в таких условиях султан, не обладая реальной политической властью, выполнял роль представителя и советника при власти. Коммерческую элиту острова еще с доколониальных времен составляли выходцы из разных регионов Индии, в период протектората они получили допуск и в административную сферу, помимо финансовой. Созданный в 1926 г. с согласия британского губернатора Законодательный совет состоял из восьми назначенных султаном членов, представлявших прежде всего интересы арабской олигархии [2, р. 85–86]. Впоследствии была проведена реструктуризация Совета по тому же расово-этническому принципу, в результате чего три кресла предназначались арабам, два — индийцам, два — африканцам

и одно европейцу. Два «африканских кресла», как правило, занимали представители ширази, что вызывало недовольство группы континентальных африканцев. В 1954 г., в соответствии с новой Конституцией, Законодательный совет должен был включать четырех арабов, четырех индийцев, четырех африканцев и одного европейца. Данное нововведение было оспорено и подвергнуто критике как расистское Ассоциацией арабов и частью авторитетных лидеров Ассоциации ширази. Последние вышли из своей организации и объединились с арабами в Национальную партию Занзибара (НПЗ, ZNP), главным требованием которой изначально было формирование Законодательного собрания на выборной основе и расширение избирательных прав занзибарцев. Национальная партия Занзибара таким образом бросала вызов колониальному режиму и вскоре стала обозначать в качестве своей основной цели создание независимого Занзибарского султаната. Однако в их риторике под «занзибарцами» подразумевались прежде всего арабы и проарабски настроенные ширази, от индийцев и африканцев с континента лидеры партии сознательно дистанцировались, считая их сторонниками колониальной системы. Обеспокоенные деятельностью партии и особенно ее связями с национально-освободительными движениями в других колониях африканского континента и со странами социалистического лагеря, британцы инспирировали создание альтернативной политической силы — Партии афро-ширази (ПАШ, ASP) на основе слияния Ассоциаций африканцев и ширази [3, р. 7–8]. Ее первым лидером стал будущий президент Занзибара Абейд Аmani Каруме. В своих публичных заявлениях ПАШ открыто призывала освободить Занзибар от господства арабской аристократии и, когда перспектива деколонизации была уже очевидной и оставалась исключительно вопросом времени, настаивала на учреждении на Занзибаре республиканской формы правления в противовес монархическим чаяниям Национальной партии Занзибара. В ответ лидеры последней обвиняли ПАШ в приверженности расистской идеологии, обнаруживая расистские коннотации непосредственно в названии ПАШ, и злоупотреблении термином «ширази». Маулид М. Хадж, один из лидеров НПЗ, возглавлявший филиал партии на острове Pemba накануне революции, дает свое описательное определение ширази и свое идеологизированное видение их этнической истории: «Большинство жителей Pemбы не разделяет позицию ПАШ и не считает, что Занзибар должен принадлежать *магози* (букв. “толстокожим”) — чернокожим африканцам, в основном выходцам с континента, составляющим оплот *афро-ширазизма*. Настоящие ширази — это гордый народ, сумевший оказать сопротивление португальцам, они никогда не были рабами. Да, они призвали оманцев, чтобы те помогли им изгнать ненавистных португальцев. Оманцы же остались на Занзибаре и стали занзибарцами. Ширази, составляющие большинство населения архипелага, ведут свое происхождение от персов и арабов, поселившихся на островах и вдоль всего побережья Восточной Африки задолго до пришествия португальцев и даже в доисламскую эпоху. Ширази не любят, когда их воспринимают заодно с потомками африканских рабов и *магози*, наемных рабочих-мигрантов с континента. Ширази основали НПЗ. Другие люди, включая арабов, лишь присоединились к ним позже, за счет чего состав партийных лидеров стал более эффективным и национально сознательным» [3, р. 78].

Таким образом, накануне революции политически активное население Занзибара оказалось разделенным на два противоборствующих этнополитических лаге-

ря: НЗП, поддерживаемая арабами, частью ширази (преимущественно с «малых» островов Пемба и Тумбату), индийцев-мусульман и гоанцев (индийцев-католиков из Гоа), и ПАШ, сторонниками которой были ширази-хадиму (ширази острова Унгуджа), магози (континентальные африканцы) и часть индийцев-индуистов. В отличие от НЗП, абстрагировавшейся от любого влияния с континента, ПАШ негласно выступала в альянсе с ТАНУ. Незадолго до объявления независимости часть ширази в составе ПАШ выделились в Народную партию Занзибара и Пембы (НПЗЗ, Zanzibar and Pemba People's Party (ZPPP)) и примкнули к НЗП. Этот блок одержал победу на выборах и в декабре 1963 г. возглавил правительство независимого Занзибарского султаната, просуществовавшего меньше месяца. Кульминация противостояния партий наступила 12 января 1964 г., когда Революционный совет Занзибара, а авангарде которого была ПАШ, осуществил вооруженный переворот, сверг султана и законно избранное правительство НПЗ и НПЗЗ и провозгласил республику. За насильственным захватом власти последовали жестокие репрессии в отношении членов НПЗ и НПЗЗ и геноцид арабов и индийцев. Несмотря на массовость и стихийность, репрессии имели в некотором смысле избирательный характер в этносоциальном плане. Например, среди арабского населения в большей степени пострадали оманские арабы и в меньшей — йеменские. Это связано с тем, что оманцы воспринимались как рабовладельцы и угнетатели, а йеменцы традиционно представляли собой беднейший сегмент занзибарских арабов, принадлежали в недавней волне трудовой иммиграции из арабских стран и поэтому не становились объектом классовой неприязни африканцев.

Самосознание занзибарцев обусловлено драматизмом истории архипелага, перманентно конфликтными отношениями с материковой частью Союза — бывшей Танганьикой, а также с входящим в состав полуавтономии соседним островом Пемба, но прежде всего — сложными политическими конфигурациями на самом острове Занзибар¹. Раз в пять лет на президентских выборах в Танзании население Занзибара голосует дважды — за кандидатов в президенты Танзании и за кандидатов в президенты Занзибара; последний, по Конституции, одновременно является вице-президентом Танзании. Если в Танганьике на выборах уверенно побеждают кандидаты от партии правительства «Чама ча Мапиндузи» (ЧЧМ; суах. Chama cha Mapinduzi (CCM) — «Партия Революции»), то на Занзибаре и Пембе разгорается борьба за пост президента Занзибара между занзибарской ветвью партии власти и оппозицией в лице КУФ (Civic United Front (CUF) — «Объединенный гражданский фронт»; суах. Chama cha Wananchi — «Партия граждан»). Голосование за кандидатов на пост президента всей Танзании на Занзибаре имеет гораздо меньшее значение и ввиду небольшой численности его населения в сравнении со всей Танзанией неспособно в целом повлиять на изменение расклада сил на континенте.

За всю историю существования многопартийной системы в Танзании (с 1993 г.) прошло пять президентских выборов, и каждый раз на Занзибаре повторялась в различных вариациях одна и та же ситуация: с небольшим перевесом (2–3 процента) выигрывал кандидат от ЧЧМ, оппозиция не признавала результаты подсчета голосов, объявляла своего кандидата победителем с преимуществом в те же 2–3 процента и переходила к открытым протестам. Это приводило к массовым

¹ Другое название — Унгуджа; это самый крупный по площади и численности населения остров архипелага Занзибар.

беспорядкам, санкциям и даже репрессивным мерам правительства в отношении оппозиции и в дальнейшем к сложным дипломатическим переговорам в поисках новых компромиссов. В канун каждых выборов все политически сознательное население Танзании с тревогой ожидает результатов подсчета голосов на Занзибаре, так как «островная дилемма» дестабилизирует ситуацию по всей стране, и в политических дебатах снова звучит на новый лад старая суахильская поговорка: «Под занзибарскую дудку танцуют на Великих Озерах», а также знаменитое высказывание отца-основателя танзанийской нации Дж. К. Ньерере: «При возможности я бы отвоз этот остров на буксире в Индийский океан и бросил там».

Партия оппозиции КУФ возникла как конгломерат островной партии КАМА-НУРУ (суах. «как свобода», движение за демократизацию и автономизацию Занзибара) и континентальной организации Civic Movement («Гражданское движение») в 1992 г. Она была официально зарегистрирована после перехода к многопартийной системе в Танзании. Руководящее ядро партии на тот момент состояло из бывших членов ЧЧМ, в разное время добровольно вышедших либо исключенных из состава последней в связи с несогласием с ее идеологической линией. КУФ входит в состав общетанзанийского оппозиционного блока, однако основное поле ее амбиций — Занзибар и Пемба, где проживает большая часть ее электората. В идейно-стратегическом плане КУФ является преемником дореволюционной НЗП, боровшейся за независимость Занзибарского султаната и против объединения Занзибара с Танганьикой. В зависимости от политической конъюнктуры в конкретный момент времени руководство КУФ отрицает эту преемственность либо открыто заявляет о ней. Сущность противоречий ЧЧМ и КУФ вкратце можно выразить цитатой танзанийского политического историка И. Г. Шивджи: «Правящая в Танзании в целом и на Занзибаре в частности ЧЧМ использует в качестве приветствия и лозунга словосочетание “Революция навсегда”. Правительство Занзибара до сих пор называется Революционным правительством Занзибара (Serikali ya Mapinduzi ya Zanzibar), а в Конституции Занзибара от 1984 г. до сих пор фигурирует Революционный совет, хотя это по большей части формальность, не имеющая смысла. Главная партия оппозиции КУФ, которую поддерживает вся Пемба и фактическое большинство на Занзибаре, часто обвиняется правящей партией в непризнании Революции. Смысл понятия “непризнание” сводится к тому, что руководство КУФ подозревали в отказе примириться с ЧЧМ в вопросе оценки революционных событий как свержения господства *арабского* меньшинства *африканским* большинством. В обвинения в “непризнании” вкладывается следующий смысл: если КУФ придет к власти, она восстановит ненавистное *арабское* господство» [4, р. 62]. В самом деле, даже в уставе КУФ обозначен принцип перспективных, а не ретроспективных стратегий. Тем не менее, на пике политических прений КУФ всегда предъявляет ЧЧМ претензии в связи с вмешательством в политику Занзибара, а ЧЧМ обвиняет КУФ в самовольных связях с Оманом и странами арабского мира, попытках вступления в Организацию Исламского Сотрудничества (ОИС) и во взаимодействии с «зарубежными грантодателями», так как КУФ входит в международную организацию оппозиционных партий Liberal International, базирующуюся в Лондоне. Так или иначе, в течение более чем двадцати лет существования КУФ ее политические действия, не без игры на репрессиях и реабилитациях, привели к шагам правящей партии в направлении автономизации Занзибара. Главная цель в программе

КУФ — переход к системе трех правительств (соответственно Занзибара, Танганьики и стоящего над ними правительства Объединенной Республики Танзании), которая бы обеспечила снижение влияния центра на внутривнутриполитические дела Занзибара. В условиях политического лавирования эта магистральная цель не всегда открыто декларируется партийными лидерами. В качестве реакции на подобную нерешительность оппозиции возникают радикальные сепаратистские организации, ратующие за выход Занзибара из состава Танзании. В этом отношении наиболее показательным примером является «Уамшо» (суах. «Пробуждение», полное название — JUMIKI (Jumuiya ya Uamsho na Mihadhara ya Kiislamu, суах. «Объединение за пробуждение и мобилизацию ислама»). «Уамшо» была зарегистрирована как неправительственная общественная организация в 2001 г. Первоначально в соответствии со своим уставом она выступала за продвижение исламского образования и сохранение мусульманских ценностей, за ограничение продажи алкогольных напитков, боролась за введение более строгих требований к одежде туристов. В дальнейшем она обнаружила свои сугубо политические цели — отделение Занзибара от Танзании с дальнейшим введением шариата; в ответ на уступки КУФ по отношению к ЧЧМ и согласии первой войти в состав правительства, возглавляемого последней, лидеры «Уамшо» открыто призывали к референдуму за независимость Занзибара и к возмездию за геноцид и репрессии арабского и индийского населения в Народной Республике Занзибара и Пембы, образованной в результате Революции 1964 г. В 2012 г. лидеры этой организации предстали перед судом по обвинению в экстремизме, поджоге церкви, покушениях на христианских священнослужителей, подстрекательстве к конфликтам на религиозной почве; в результате деятельность «Уамшо» была приостановлена. В данном случае важно то, что создатели, лидеры, спонсоры и многочисленная группа поддержки этой националистической организации происходили по большей части из числа арабской интеллигенции. В самом деле, подобная идеология в полной мере разделяется представителями занзибарских диаспор за рубежом — свидетелями революционных событий, которым удалось эмигрировать, и их потомками. Умонастроениям этой группы занзибарских националистов созвучна цивилизационная концепция *афрабия*, сформулированная в работах Али А. Мазруи (1933–2014), известного историка и политолога кенийского происхождения, работавшего в США. Она представляет собой антиориенталистическую интерпретацию культурно-политической истории Африки и формулирует новую конфигурацию цивилизаций. *Афрабия* — это синкретическая культура и свойственный ее носителям тип самосознания, возникшие в результате тесных контактов арабов и африканцев, начавшихся еще в доисламскую эпоху и особенно усилившихся в ходе проникновения ислама на африканский континент. Принадлежность к *афрабии* — бытность *афрабийцем* (англ. Afrabian, суах. Mwafabia) — реализуется на нескольких уровнях: генеалогическом, культурном и идеологическом. Генеалогические *афрабийцы* — по сути крепольский этнос — это потомки смешанных браков поселившихся в Африке арабов и представителей африканских народов. *Афрабийская* культура включает в себя не противоречащие друг другу традиционно-африканские и арабо-мусульманские элементы, и принадлежность к ней не определяется по принципу наличия арабской крови, а также по расовому критерию. Арабизированные африканцы и африканизированные арабы в равной степени являются *афрабийцами* (например, суахили

в Восточной Африке и исламизированные народы западносуданского Сахеля). В цивилизационном плане *афрабия* противопоставлена иудео-европейской модели; их столкновение началось в колониальную эпоху и продолжается до сих пор. Оказавшись во многих отношениях вербализацией объективно существующего типа самосознания и будучи построенной по большей части на восточноафриканском материале, концепция *афрабия* получила широкое признание в странах Восточной Африки среди суахилиговорящего мусульманского населения и является идеологической базой ряда оппозиционных партий. Идеи *афрабии* получили дальнейшее развитие в исследованиях живущего в США уроженца Занзибара — профессора Университета султана Кабуса в Омане Хариса Гассани. Его книга «Kwaheri Ukoloni, kwaheri Uhuru!» («Прощай, колониализм, прощай, свобода!») [5], изданная в США в 2010 г. на языке суахили и посвященная детальному анализу событий занзибарской революции 1964 г. и объединению Занзибара и Танганьики, — культовое произведение для занзибарских националистов, и неудивительно, что его свободная продажа на Занзибаре не разрешена. В одной из глав автор в подробностях описывает этническое происхождение по отцовской и материнской линиям лидеров ПАШ и членов Первого революционного совета, включая Абейда Аmani Каруме, председателя Первого революционного совета Занзибара и первого президента Занзибара в составе ОРТ. Х. Гассани обращает внимание на то, что у большинства этих политических деятелей, осуществлявших антиарабскую политику и борющихся за интересы африканцев, были арабские и/или индийские предки и что они сами также вступали в браки с арабами и индийскими женщинами (индусками и мусульманками), среди которых даже были представительницы семей, приближенных до революции к султанскому двору. Также оговаривается, что и многие члены султанской семьи были рождены в аналогичных смешанных браках и в их жилах течет не только арабская, но и африканская кровь; то же самое можно сказать о лидерах «проарабской» Национальной партии Занзибара. В качестве одного из многочисленных примеров приводится генеалогия родителей и предков в нескольких поколениях самого автора, где обнаруживаются выходцы из этнических групп Танганьики, то есть континентальные африканцы, наряду с представителями султанской династии [5, р. 348–352]. Подобные сопоставления с привлечением большого фактического материала позволяют Х. Гассани прийти к выводу, что представители конкурирующих партий в предреволюционный период, выступавшие за интересы разных этносоциальных групп, тем не менее, являлись *афрабияцами*, а их нацеленная на взаимоуничтожение борьба была результатом спланированных провокаций внешнеполитических сил. Несмотря на свою прямую причастность к этническим чисткам во время революции и сотрудничество с политиками континентальной Танганьики, Абейд Аmani Каруме выступал против объединения Занзибара и Танганьики в ОРТ. После образования ОРТ в апреле 1964 г. Каруме, уже как президент Занзибара и второе лицо в государстве после президента ОРТ Дж. К. Ньерере, держал курс на автономизацию Занзибара и ограничение вмешательства в его внутреннюю политику из Дар-эс-Салама. Слияние занзибарской Партии афро-ширази и континентальной ТАНУ (Национальный союз африканцев Танганьики) в общетанзанийскую ЧЧМ, которому Каруме активно противостоял, произошло только спустя несколько лет после его убийства. Именно поэтому в настоящее время занзибарские оппозиционеры склонны интерпретировать деятель-

ность Каруме в терминах идеологии *афрании* и с точки зрения борьбы за независимость Занзибара. Таким образом, на первый взгляд парадоксальный предвыборный лозунг кандидата в президенты Занзибара от КУФ Ш. Х. Сейфа на последних выборах 2015 г. «Nitavaa viatu vya Karume» («Я пойду по стопам Каруме») уже не кажется столь противоречивым.

Стоит оговорить, что само название правящей партии ЧЧМ и ее лозунг «Mapinduzi daima» («Революция навсегда») вызывают негативную реакцию у значительной части занзибарцев. В названии общей для всей Танзании правительственной партии так или иначе содержится смысловая отсылка к социалистической революции 1964 г. на Занзибаре, в результате которой пал независимый Занзибарский султанат и была учреждена Народная Республика Занзибара и Пембы, существовавшая с января по апрель 1964 г., до объединения с Танганьикой и образования Танзании. По своему характеру это был срежиссированный на континенте кровавый государственный переворот с многочисленными жертвами. Поэтому формальный социалистический лозунг «Революция навсегда», к настоящему времени сохраняющийся как дань традиции и не более того, болезненно воспринимается людьми, чьи семьи пострадали от репрессий, и их потомками, которые видят в нем угрозу повторения трагических событий января 1964 г. Во время одного из моих посещений Занзибара летом 2014 г. на главных магистралях острова все еще оставались украшения в честь пышно отпразднованного за полгода до этого пятидесятилетия революции — флаги, плакаты, растяжки с революционными лозунгами. У многих людей, даже необязательно симпатизирующих оппозиции, это вызывало недоумение и возмущение, равно как и умалчивание факта геноцида арабов и индийцев и отсутствие каких бы то ни было публичных актов примирения. При этом от представителей электората ЧЧМ (африканцев, особенно малообразованных и с низким уровнем дохода) нередко можно услышать, что жертвы революции получили по заслугам.

Литература

1. Mapuri O. R. *The 1964 Revolution: Achievements and Prospects*. Dar-es-Salaam, 1996. 120 p.
2. Crozon A. *Les groupes sociaux avant la revolution // Zanzibar aujourd'hui*. Paris; Nairobi, 1998. P. 73–91.
3. Haj M. M. *Sowing the Wind. Zanzibar and Pemba before the Revolution*. Zanzibar, 2001. 178 p.
4. Shivji I. G. *Pan-Africanism or Pragmatism? Lessons of the Tanganyika-Zanzibar Union*. Dar-es-Salaam, 2008. 311 p.
5. Ghassany H. *Kwaheri ukoloni, kwaheri uhuru! Zanzibar na mapinduzi ya Afrabia*. USA: s.n., 2010. Ххix, 496 p.

Для цитирования: Москвитина А. Ю. Этносоциальные аспекты политической истории Занзибара // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 2. С. 114–122. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.202

References

1. Mapuri O. R. *The 1964 Revolution: Achievements and Prospects*. Dar-es-Salaam, 1996. 120 p.
2. Crozon A. *Les groupes sociaux avant la revolution [Social Groups before the Revolution]*. *Zanzibar aujourd'hui*. Paris, Nairobi, 1998, pp. 73–91. (In French)
3. Haj M. M. *Sowing the Wind. Zanzibar and Pemba before the Revolution*. Zanzibar, 2001. 178 p.
4. Shivji I. G. *Pan-Africanism or Pragmatism? Lessons of the Tanganyika-Zanzibar Union*. Dar-es-Salaam, 2008. 311 p.

5. Ghassany H. *Kwaheri ukoloni, kwaheri uhuru!: Zanzibar na mapinduzi ya Afrabia* [Goodbye Colonialism, Goodbye Freedom! Zanzibar and the Afrabia Revolution]. USA: s.n. 2010. Xxix, 496 p. (In Swahili)

For citation: Moskvitina A. Iu. Ethnosocial aspects in the political history of Zanzibar. *Vestnik SPbSU. Political science. International relations*, 2017, vol. 10, issue 2, pp. 114–122.
DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.202

Статья поступила в редакцию 5 марта 2017 г.
Статья рекомендована в печать 20 марта 2017 г.